

Андрей Малов

ЧТО СТОИТ НА ПУТИ К ДОГОВОРУ О ПРЕДОТВРАЩЕНИИ РАЗМЕЩЕНИЯ ОРУЖИЯ В КОСМОСЕ

В настоящее время мы являемся свидетелями резко возросшего интереса международного сообщества к решению практических вопросов обеспечения безопасности космической деятельности (БКД). В экспертных кругах сложилось общее понимание, что БКД — сложное многокомпонентное понятие, а ее обеспечение требует широкого спектра мер, нацеленных на решение проблем оружейного, технологического и международно-правового характера.

При этом следует констатировать, что космическая деятельность традиционно несет значительную оборонную нагрузку, а обеспечение сохранности и устойчивости функционирования космических аппаратов является одним из основных условий поддержания стратегической стабильности и военно-политической предсказуемости в глобальном масштабе.

Характерно, что ряд областей военной деятельности в космосе с международно-правовой точки зрения ничем не ограничен. Вряд ли кто-либо из серьезных экспертов поставит под сомнение легитимность использования таких средств военно-космического обеспечения, как геодезия, метеопрогнозирование, связь, навигация, разведка, слежение и нацеливание. Вместе с тем существующая нормативная база в области международного космического права регулирует лишь отдельные аспекты использования космоса в военных целях и недостаточна для предотвращения размещения там оружия. Договор по космосу 1967 г. запрещает выведение в космическое пространство только оружия массового уничтожения (ОМУ), запрет же на размещение в космосе иных видов оружия не установлен.

При этом по ряду направлений военной космической деятельности нет никаких запретительных или ограничительных норм. Это касается как создания и использования отмеченных нами выше военных космических систем обеспечения — *support space systems*, так и создания и возможного размещения в космосе оружейных ударных космических систем, не относящихся к ядерным или любым другим видам ОМУ — *weapon space systems*.

Не секрет, что на протяжении последних десятилетий — и об этом неоднократно сообщалось в открытых источниках — в ряде технологически развитых стран проводятся интенсивные НИОКР в области достаточно широкого спектра оружия космического базирования, отличного от ОМУ.

А
Н
А
Л
И
З

В чем причины настороженного отношения к перспективам вывода оружия в космос?

Полагаем, что в целом такие ударные космические системы следовало бы отнести к новому виду *стратегического оружия* в силу их характеристик. Прежде всего потому, что такое оружие имело бы глобальную зону действия, высокую готовность к применению, возможность внезапного и скрытного воздействия на поражаемые объекты. В отличие от ОМУ оно стало бы не инструментом сдерживания, а *оружием реального применения*.

Формируя *потенциал первого удара*, многократно усиливая значение фактора внезапности, оружие космического базирования явилось бы дестабилизирующим по своей сути, оказало бы глубокое и во многом непредсказуемое влияние на стратегический паритет, вызвало бы подозрительность и напряженность в межгосударственных отношениях. Климат взаимного доверия и сотрудничества в освоении космоса был бы разрушен. Государства были бы поставлены перед необходимостью принимать ответные меры, что провоцировало бы качественно новый этап гонки вооружений. Кроме того, воздействие космического оружия на ионосферу Земли имело бы пагубные последствия.

Важно учитывать также принципиально новые информационно-технологические возможности, которые предоставляет грядущий, шестой, научно-технический и, следовательно, экономический уклад, в который неуклонно *входит* человечество. Как следствие, бурный процесс миниатюризации космических аппаратов (КА), повышение уровня их управляемости и мобильности, возможностей скрытно влиять на функционирование *чужих* КА, переподчинять их своей воле.

Можно ли обеспечить безопасность космической деятельности без установления надежной преграды для возможного размещения оружия в космосе? На наш взгляд, нельзя. И такое понимание медленно, но неуклонно пробивает себе дорогу во все большем числе государств.

Ведь в случае размещения оружия в космосе нереально будет говорить о сохранности дорогостоящей и стратегически, экономически, научно важной космической собственности. Значительный ущерб мог бы быть нанесен не только военной компоненте космической группировки. С учетом значительной интеграции в использовании космических активов, как военных, так и гражданских, а по отдельным космическим программам — участия большого количества государств и международных организаций, вывод из строя таких средств негативно сказался бы на экономическом и научном потенциале всего международного сообщества. Кроме того, в стратегическом плане вопрос об оружии в космосе однозначно связан с возможностью доминирования в нем, что вплотную подводит нас к попыткам военно-политического доминирования на Земле.

Совокупностью этих причин и задачей обеспечения устойчивости и предсказуемости международной безопасности, поддержания стратегической стабильности, особенно в период продолжающегося накопления конфликтного потенциала в мире, и определяется убежденность России в необходимости заключения всеобъемлющей юридически обязывающей международно-правовой договоренности о предотвращении размещения в космосе оружия любого вида.

Ключевые положения международного космического права:

- государства исследуют и используют космическое пространство в соответствии с международным правом, включая Устав ООН;
- космическое пространство открыто для исследования и использования всеми государствами без какой-либо дискриминации на основе принципов равенства и свободы доступа;
- космическое пространство не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на него суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами;
- государства обязались запретить, предотвратить и не производить любые испытательные взрывы ядерного оружия и любые другие ядерные взрывы в космическом пространстве;
- государства обязались запретить военное или иное враждебное использование средств воздействия на природную среду, в том числе и на космическое пространство;
- государства обязались не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами ОМУ, не устанавливать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом. Запрещается создание на небесных телах военных баз, сооружений и укреплений, испытание любых типов оружия и проведение военных маневров.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ВАСИЛИЙ ЛАТА, ВЛАДИМИР МАЛЬЦЕВ

Статистика показывает, что в годы Второй мировой войны для уничтожения такой типовой цели, как крупный железнодорожный мост через широкую реку, требовалось совершить 4,5 тыс. самолетовылетов и сбросить около 9 тыс. авиабомб. В то же время за счет повышения точности поражения в войне во Вьетнаме подобная цель уничтожалась 190 авиабомбами, сброшенными 95 самолетами. В войне в Югославии эту же боевую задачу решали 1–3 высокоточные крылатые ракеты, запущенные с подводной лодки, находящейся в Средиземном море. Такое повышение точности возможно лишь при сопряжении ударных средств с космическими. Это сопряжение, безусловно, дает глобальное одностороннее преимущество стороне, которая обладает такими средствами поражения.

Усилия ООН, других международных организаций в области международно-правового регулирования космической деятельности необходимо сосредоточить на создании такой нормативно-правовой базы, которая накладывала бы ограничения на количественные и качественные характеристики существующих и разрабатываемых космических систем военного и двойного назначения, способных быть включенными в контур боевого управления системами оружия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что распространение гонки вооружений на космос не может укрепить чью-либо безопасность. Создание систем оружия на основе широкого использования в их составе космических средств может привести к увеличению масштабов и числа участников военных конфликтов, так как космос является умножителем возможностей вооруженных сил государств мира. При этом государства, имеющие значительный космический потенциал, будут обладать серьезными стратегическими преимуществами. Для решения этих проблем необходимо плодотворное конструктивное сотрудничество всего мирового сообщества под эгидой ООН.

**Система систем: информационно-ударное оружие.
Индекс Безопасности. 2007. Т. 13, № 3 (83).**

НЕМНОГО ИСТОРИИ

В 1980-х гг. Россия выступила в ООН с предложением выработать соглашения о неприменении силы из космоса в отношении Земли и с Земли в отношении космических объектов. Предложения натолкнулись на неприятие со стороны США и дальнейшего развития не получили. Затем, уже на новом витке истории, по предложению президента России, которое было озвучено на Саммите тысячелетия в Нью-Йорке в сентябре 2000 г., в Москве в апреле 2001 г. состоялась международная конференция *Космос без оружия — арена мирного сотрудничества в XXI веке*. В ходе конференции впервые были четко сформулированы и озвучены идеи о разработке договоренности по предотвращению размещения оружия в космосе (ПРОК), неприменению силы или угрозы силой в отношении космических объектов. Была также озвучена идея ввести мораторий на размещение в космосе боевых средств.

Свое официальное оформление эта инициатива получила на 56-й сессии ГА ООН (сентябрь 2001 г.), когда министр иностранных дел России предложил начать работу над соответствующими договоренностями. Конкретные предложения включали выработку договоренности по ПРОК, а также введение моратория на размещение в космосе боевых средств. В тот период инициатива воплотилась в российско-китайском документе о возможных элементах будущей договоренности по ПРОК, который был представлен в июне 2002 г. на Конференции по разоружению (КР). На 59-й сессии ГА ООН в 2004 г. Россия заявила, что не будет первой размещать в космосе оружие любого вида и призвала все государства, обладающие космическим потенциалом, последовать ее примеру. В 2005 г. к инициативе присоединились государства ОДКБ. В настоящее время участниками инициативы также стали Шри-Ланка, Бразилия, Индонезия, Аргентина и Куба.

Российско-китайский проект договора по ПРОК (ДПРОК) был официально внесен Министром иностранных дел России на Конференцию по разоружению (КР) 12 февраля 2008 г. За период после внесения проекта ДПРОК прошли интенсивные дискуссии по его различным аспектам, были представлены замечания и предложения. Для продвижения проекта, разъяснения сути его ключевых положений использовались официальные и неофициальные заседания КР, ежегодные международные конференции по безопасности космической деятельности, проводимые Институтом ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР).

В июне 2014 г. Россия и Китай внесли на КР обновленную версию проекта ДПРОК¹, составленную с учетом внесенных замечаний. Таким образом, документ перестал быть продуктом двусторонних усилий, став, по сути, результатом коллективного труда и приобретая тем самым многосторонний характер.

В ЧЕМ СУТЬ ДПРОК?

По своему характеру ДПРОК представляет собой международный юридически обязывающий инструмент превентивного действия, устанавливающий барьер на пути возникновения качественно новой сферы вооруженного противостояния. К ключевым обязательствам по ДПРОК как в его изначальной, так и в доработанной версии следует, на наш взгляд, прежде всего отнести следующие обязательства: не размещать в космическом пространстве оружие любого вида; не при-

бегать к применению силы или угрозы силой в отношении космических объектов государств-участников. При этом проект ДПРОК изначально не задумывался как документ, нацеленный на запрещение конкретного вида вооружений. Совокупность этих элементов, составляющих сферу охвата договора, и должна, по замыслу разработчиков, сделать, как минимум, нецелесообразным разработку и испытание таких видов вооружений. Ценность договора, на наш взгляд, заключается в том, что он прежде всего нацелен на создание условий для минимизации стимулов для создания такого оружия.

Запрет на проведение исследований, разработку, производство и даже наземное хранение оружия или его элементов, предназначенных для космического базирования, лишен смысла по одной простой причине — практической невозможности все это проконтролировать. По этой же причине не вводятся запреты на проведение испытаний в этой области.

Российские представители на разных уровнях и с трибун различных форумов отмечали, что обновленный проект ДПРОК — это не документ, *вырезанный из камня*, и что дальнейшая его доработка и улучшение являются естественным и во многом необходимым условием подготовки к его принятию в рамках переговорного процесса. При этом — и, на наш взгляд, вполне обоснованно — подчеркивалось, что документ созрел для полноценной переговорной работы, естественной площадкой которой явилась бы Конференция по разоружению. Уместно подчеркнуть, что идея перевода обсуждений проблематики предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве (ПГВК) в русло переговорных усилий по выработке ДПРОК поддерживается значительным числом государств, включая наших союзников по ОДКБ и партнеров по БРИКС. Вместе с тем идея международно-правового *барьера* на пути размещения ударного оружия в космосе с самого начала натолкнулась на значительное противодействие со стороны такого космического *тяжеловеса*, как США.

Весьма показательно, что традиционная ежегодная резолюция, вносимая поочередно Египтом и Шри-Ланкой на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, — *Предотвращение гонки космических вооружений в космическом пространстве*² — получает почти универсальное одобрение за исключением двух голосов воздержавшихся — США и Израиля. Сам факт, что против резолюции никто не голосует, наглядно подтверждает исключительную актуальность проблемы ПГВК и признание международным сообществом необходимости ее скорейшего решения.

Справедливости ради, надо признать поддержку, которую оказывают американцы резолюции по мерам транспарентности и доверия в космической деятельности (МТДК), выработанную по итогам работы профильной Группы правительственных экспертов (ГПЭ). США даже вошли в число соавторов этой резолюции, создав во многом беспрецедентный *триумвират* в лице России, Китая и США, тем самым фактически дав понять, что они являются сторонниками преимущественно рекомендательных подходов к поиску наиболее адекватных методов и форм обеспечения безопасности космической деятельности и выступают за выработку скорее свода правил поведения, чем обязывающих норм. Уместно при этом отметить различные интерпретации МТДК, которые все чаще озвучиваются в ходе попыток нащупать конкретные формы и способы их осуществления и продвижения. Уже на этапе выработки и согласования итогового доклада ГПЭ по МТДК российскими

экспертами подчеркивалось, что эти меры могут иметь как добровольно-рекомендательный характер, так и включать в себя юридически обязывающие договоренности, тогда как американскими экспертами делался акцент на преимущественно добровольном характере этих мер.

Так что же мешает активно поддержать идею выработки ДПРОК? Официально озвучиваются следующие основные аргументы, которые используются американскими представителями на различных международных площадках с целью обосновать непринятие не просто обновленного ДПРОК, но и самой идеи выработки юридически обязывающего инструмента в этой области. В концептуальном плане американские представители, включая профильных экспертов, подтверждают важность сохранения норм международного космического права и заявляют о готовности рассматривать предложения по новым юридически обязывающим договоренностям, если таковые будут отвечать трем критериям: объективности, проверяемости и соответствию интересам укрепления национальной безопасности США и их союзников. При этом в отношении как изначального, так и обновленного проектов российско-китайского ДПРОК американцы продолжают утверждать, что он не соответствует данным критериям.

С точки зрения критерия *объективности* американские коллеги заявляют, что оружия в космосе сейчас нет, когда оно там появится, неизвестно, а потому, по их мнению, ни о какой гонке вооружений в космическом пространстве пока говорить не приходится. Американцы настаивают, что сосредотачиваться надо на таких более конкретных вызовах, как опасные сближения космических аппаратов, космический мусор и т. п. Другой аргумент, традиционно выдвигаемый американцами, касается критерия *проверяемости*. Проект ДПРОК подвергается устойчивой критике за отсутствие в нем механизма проверки. Здесь уместно напомнить, что, работая вместе в ГПЭ по МТДК, американцы последовательно отстаивали их сугубо добровольный характер. При этом наши эксперты не исключали возможность выработки государствами не только добровольных, но и политически и юридически обязывающих договоренностей. Предлагали рассматривать массив обсуждаемых МТДК в качестве составной части проекта ДПРОК как каркас возможного будущего инструмента проверки соблюдения договора. Одновременно мы подчеркивали и подчеркиваем, что проект обновленного ДПРОК — это приглашение к предметной работе над текстом договора, который остается открытым для различных новаций и предложений, включая те из них, которые имеют отношение к проверочному механизму инструмента.

В более широком плане нами неоднократно отмечалось, что далеко не все действующие договоры имеют механизм проверки. Пример — Договор по космосу 1967 г.³ и прописанное в нем обязательство *не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения*. При этом стоит обратить внимание на Статью IX Договора, в которой говорится: «Государство — участник Договора, имеющее основание полагать, что деятельность или эксперимент, запланированные другим государством — участником Договора в космическом пространстве... создадут потенциально вредные помехи в деле мирного исследования и использования космического пространства... может запросить проведение консультаций относительно такой деятельности или эксперимента». Прежде всего хотели бы подчеркнуть, что соответствующее положение о проведении консультаций включено и в обновлен-

ный текст проекта ДПРОК — статья VII. Исходим также из того, что с развитием технологий наблюдения и контроля упомянутые в тексте статьи Договора *основания полагать* во все большей степени будут подкрепляться техническими возможностями. Существуют и другие опции — например, система коллективного обмена данными и анализа ситуации. Кроме того, государства — участники ДПРОК могут делать ежегодные заявления в отношении своей космической политики и стратегии. Что касается государств — не членов ДПРОК, они могут использовать национальные средства контроля и отдельные механизмы договора.

Итак, вариантов немало, дело за политической волей. В общем политическом плане соблюдение запретительного режима могло бы стимулироваться и тем пониманием, что в случае обнаружения его нарушения международные последствия для государства-нарушителя могут оказаться несоизмеримыми с кажущейся выгодой от этого нарушения. Кроме того, в целом предлагаемый запрет на размещение и применение оружия в космосе, а также на применение средств с целью нанесения ущерба космическим объектам других государств делают разработку, тестирование и производство таких вооружений нецелесообразными в силу их дороговизны. Особняком в наборе аргументов против ДПРОК стоит фактор применения силы в космосе как неразрывный элемент права на самооборону. Американские эксперты склонны утверждать, что п. 4 Статьи II Устава ООН⁴ уже запрещает применение силы или угрозу силой в отношении космических объектов другого государства.

В этом контексте хотели бы привлечь внимание к весьма абстрактной формулировке, которая предлагает воздерживаться от применения силы или угрозы силой *каким-либо другим образом, не совместимым с целями Объединенных наций*. При этом уместно подчеркнуть, что Устав ООН, при всей его абсолютной значимости, писался в докосмическую и доинформационную эпоху, и многие формулировки требуют выработки дополнительных критериев, нацеленных на согласованную и универсально понимаемую их интерпретацию. Многие эксперты признают, что в правовом отношении право на самооборону и на применение силы до конца не проработано. Достаточно сказать, что реализация права на самооборону необходима с соблюдением принципов пропорциональности и соразмерности, границы которых при нападении на космические объекты определить может быть весьма затруднительно.

Правовая дискуссия может быть также отягощена фактором так называемых *устаревших* со времени принятия Устава ООН формулировок. Статья 51 описывает нападение как *armed attack*, что в эпоху информационных и других новейших технологий не всегда соответствует буквальному значению методов ведения боевых действий с использованием обычных сил и средств. В этом контексте конкретизация существующих норм международного права в отношении космического пространства, и в частности, концепции *применения силы или угрозы силой* и является одним из условий обеспечения безопасности в космосе. Российско-китайский проект ДПРОК как раз и мог бы внести свой конкретный практический вклад в решение этой проблемы.

С темой обоснованного права за защиту тесно связано и положение о праве на самооборону в соответствии со Статьей 51 Устава ООН, которое в формулировочном плане дано в обновленном варианте проекта договора в максимально прибли-

женном к оригиналу виде. Аргументы некоторых критиков ДПРОК, что зафиксированное в тексте право на самооборону якобы противоречит самой цели ДПРОК, этой самой критики не выдерживают. К числу других традиционных аргументов против ДПРОК относится довод о том, что проект не предусматривает полного запрета на противоспутниковые средства (ПСС).

Полагаем, что этот вопрос нельзя вырывать из стратегического контекста. Понимание опасности возможного практического размещения оружия в космосе и является главной побудительной причиной создания ПСС. При этом ПСС рассматриваются в качестве асимметричных мер, прежде всего против потенциальных ударных космических систем.

В этом контексте, запрещая размещение оружия в космосе, необходимо учитывать возможность вступления в международные договоренности не всех государств, а также право выхода из нее любого государства. Поэтому потенциал создания оружия космического базирования будет сохраняться, а государства-участники вправе иметь в такой ситуации ответные возможности, в качестве которых и рассматриваются ПСС. Именно по этой причине обновленный проект ДПРОК, запрещая размещение в космосе оружия любого вида и вводя обязательство не прибегать к применению силы или угрозе силой, *намеренно* не вводит запрет на создание и испытание по собственным мишеням ПСС наземного, морского и воздушного базирования.

Таковы *внешние* аргументы, которые приводятся для того, чтобы подвергнуть сомнению целесообразность предметной работы по выработке и принятию ДПРОК.

ЧТО В РЕАЛЬНОСТИ МЕШАЕТ ПРИНЯТЬ ИДЕЮ ДПРОК?

Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к не столь отдаленной истории.

Последние 10–15 лет Администрации США, что при Дж. Буше, что при Б. Обаме, проводят интенсивную программу исследований и разработок, нацеленную на создание перспективных боевых систем и конкретных космических платформ, обладающих способностью не только уничтожать объекты, находящиеся в космосе, но и наземную стратегическую инфраструктуру. Наглядным примером таких приготовлений служит серия проведенных испытаний космической платформы многократного пользования X-37В, размещение на орбите способных автономно маневрировать мини-спутников весом по несколько килограммов, эксперименты по электронному противодействию и радиоэлектронной борьбе (РЭБ) в космосе.

Следует, впрочем, отметить, что научно-технологические заделы качественно нового этапа подготовки боевого ударного космического потенциала, осуществляемого в наши дни, создавались еще на более раннем этапе освоения космоса. В период холодной войны как в СССР, так и в США были проведены широкие исследования областей возможного применения космической техники в военных целях, принят на вооружение ряд космических систем военного назначения, которые в ту пору получили общее наименование *космических средств обеспечения вооруженных сил*. К их числу относили космические системы видовой разведки, радио- и радиоэлектронной разведки, обнаружения стартов ракет и предупреждения о ракетном нападении, обнаружения ядерных взрывов в различных средах, боевого управления и связи (Command Control Communication and Intelligence —

си-кьюб-ай), метеорологического, навигационного, топогеодезического и картографического обеспечения вооруженных сил. Как мы уже отмечали выше, космические системы такого назначения существенно повысили эффективность систем оружия и вооруженных сил и надолго укоренились как важный элемент структуры вооружений космических держав.

К тому же периоду относятся практические попытки разместить в космосе оружие для поражения наземных, морских и воздушных целей. Следует подчеркнуть, что известные результаты зарубежных исследований не показали в ту пору превосходства космических систем оружия перед иными, и в силу этого они не получили заметного развития.

Вместе с тем уже на том, весьма ограниченном в плане информационного обеспечения этапе, удалось создать реально функционирующие ударные системы с частичным полетом их поражающих элементов — так называемые глобальные ракеты, или fractional orbital bombardment systems (FOBS). В ходе проводившихся исследований значительное внимание уделялось изучению возможностей создания космических систем борьбы с баллистическими ракетами — систем ПРО. В США такие работы были объединены в запущенную еще в 1983 г. и получившую широкую огласку программу *Стратегической оборонной инициативы* (СОИ).

В качестве возможных средств поражения для оснащения космических систем ПРО рассматривалось кинетическое, лазерное, пучковое, электромагнитное оружие.

В этом контексте весьма показательны то, что, несмотря на стоящий на пути этих приготовлений Договор по ПРО 1972 г., американская Администрация тех лет была готова к обсуждению внесения в него поправок, развязывающих руки для претворения в жизнь этих планов. Однако ввиду явных технических и организационных трудностей все эти глобальные планы в полной мере реализовать не удалось, и вопрос о внесении поправок был снят с повестки дня.

Широкие исследования были проведены в то время и в сфере создания и практического развертывания противоспутниковых систем. Как представляется, причины интереса космических держав к ПСС были связаны со следующими факторами. Многочисленные КА и системы различного целевого назначения являлись собственностью конкретных государств, различных международных и деловых структур. В силу экстерриториальности космического пространства, то есть его непринадлежности государству или группе государств и, как следствие, универсальной доступности космоса, вставал вопрос о сохранении и защите космической собственности. Кроме того, уже тогда возник соблазн обеспечения военно-политического доминирования через доминирование в космосе. В результате появились практические наработки в создании этих систем.

В США сначала была создана ПСС на основе ракеты-перехватчика наземного стационарного базирования, а затем в 1980-е гг. ПСС АСАТ самолетного базирования, успешно, кстати, испытанная по реальной цели в космосе, но так и не развернутая и не поступившая на вооружение. С другой стороны, в СССР в 1970-х гг. был развернут наземный комплекс противокосмической обороны ИС, который находился в эксплуатации до апреля 1993 г., хотя начиная с 1983 г. испытательные пуски спутников-перехватчиков не проводились.

Кроме того, после выхода США в 2002 г. из Договора по ПРО прекратило существование и обязательство не создавать, не испытывать и не разворачивать системы и компоненты ПРО космического базирования. Следует подчеркнуть, что это не только открыло путь к созданию космического оружия для целей ПРО, но и дало возможность создавать и испытывать противоспутниковое оружие (ПСО) космического базирования в силу близости соответствующих технологий. Таким образом, уже в то время закладывалась определенная основа для создания потенциала ударных боевых космических систем.

Понимая это, Советский Союз принял на себя в 1983 г. обязательство не выводить первым в космос какие-либо виды ПСО на все то время, пока другие государства будут воздерживаться от вывода в космос ПСО любого вида. Кстати сказать, этот мораторий охватывал и испытательные запуски ПСС. Весьма показательным, что условия этого моратория были Соединенными Штатами нарушены, когда в 1985 г. был осуществлен перехват противоспутниковой системой АСАТ реального американского космического объекта — ИСЗ *Солунд*. СССР заявил, что считает себя с этого момента свободным от одностороннего обязательства. Вместе с тем, Советский Союз продолжал воздерживаться от вывода в космос противоспутникового оружия.

Уже в *новое время* в 1992 г. президентом России была подтверждена готовность на основе взаимности с США ликвидировать существующие ПСС и выработать договоренность о полном запрете вооружений, специально создаваемых для поражения спутников. Однако и это наше предложение не нашло позитивного отклика у США. А в 1993 г. советская противоспутниковая система ИС была снята с эксплуатации.

Что касается нынешнего этапа космических приготовлений, то многое становится яснее при анализе ключевых положений двух базовых документов, которые закладывают основы подходов США к БКД и к проблематике военного космоса: *Национальной стратегии космической безопасности*⁵ 2011 г. и *Космической политики*⁶, последняя редакция которой вступила в силу 18 октября 2012 г., заменив аналогичный документ от 9 июля 1999 г.

В *Национальной стратегии*, по сути, продекларировано стремление США к превосходству в космосе, которое, впрочем, по задумкам разработчиков, должно обеспечиваться активными действиями преимущественно мирного характера. В то же время отдельные положения стратегии допускают создание и отработку орбитальных средств, предназначенных для выполнения военных операций в космосе и из космоса.

В документе, в частности, провозглашается лидерство США в космической деятельности, обеспечивающее США преимущества в ведении военных действий и решении задач национальной безопасности в глобальном масштабе и возможность контроля событий, происходящих во всем мире, что является одним из основных принципов обеспечения национальной безопасности.

Национальная стратегия предусматривает не только контроль создания космических средств в других государствах, но и активное участие в их создании, а также использование этих средств в своих интересах.

Серьезное внимание уделяется работам в Китае, особенно в части создания средств поражения объектов в космическом пространстве. Это вызывает беспокойство США, так как может, по американским оценкам, при определенном развитии событий ограничить возможности использования космического пространства.

Для контроля состояния космических исследований и работ по созданию перспективных космических средств в других государствах, в том числе и сдерживания этих работ, предлагается использовать в полной мере методы экспортного контроля.

Каким же образом США предполагают обеспечить свое лидерство в космической деятельности? В целях нашего исследования считаем целесообразным отметить следующее:

- формирование потребностей в создании космических средств исходя из *стратегических политических целей* и организация государственных заказов по разработке космических средств с учетом этих целей;
- поощрение партнерства в космической сфере с ответственными государствами, международными организациями и коммерческими компаниями *с учетом политических интересов США*, обеспечение конкурентоспособности космической промышленности;
- разработка совместно с союзниками космической доктрины, предусматривающей, в частности, использование совместного космического потенциала в кризисных и конфликтных ситуациях;
- контроль и руководство работами в области гражданской космонавтики со стороны Министерства обороны и разведывательного сообщества США.

Таким образом, основными заявленными целями Национальной стратегии космической безопасности США является сохранение существующей стабильности, а также обеспечение безопасности своих действий в космосе. При этом — и это важно для ответа на наш вопрос о ДПРОК — космические приготовления как в ее гражданской, так и в военной составляющей, очевидно, ставятся в прямую зависимость от политических и стратегических глобальных установок американского военно-политического руководства.

Кроме того, стратегия предполагает наращивание возможностей по определению источников враждебных действий, а также по парированию этих действий. Сохраняется право наносить *ответные удары* в целях самообороны и в случае, если политика сдерживания в космической области потерпит неудачу.

Для понимания причин, мягко говоря, сдержанного отношения США к идее постановки правового барьера на пути вывода ударных боевых средств в космос любопытна и директива минобороны США по космической политике от 2012 г., обнародованная за подписью на тот момент замминистра обороны Э. Картера. В правовом смысле документ, рассчитанный на десять лет, вводит в действие положения Национальной космической политики США от 2010 г. и упомянутой выше Стратегии безопасности в космосе от 2011 г., в соответствии с которыми Вашингтон относит устойчивое и свободное использование космического пространства к сфере своих важнейших интересов.

Новые установки Пентагона имеют характер активного сдерживания. Любое целенаправленное вмешательство в деятельность американских космических систем, включая наземную инфраструктуру, будет рассматриваться как прямое нарушение прав США. Вторжение в мирное время будет трактоваться как *безответственный поступок*, попытки вмешательства же в период кризисов могут привести, по образному выражению, к *эскалации*, которая потребует решительных *ответных действий*. При этом американские военные объясняют, что угроза американским средствам в космосе вполне реальна. Утверждается, что ряд государств разрабатывает ПСО, наземные лазеры, системы электронного подавления и т.п. В соответствии с задумками разработчиков, именно для купирования этих рисков в будущем и предназначен новый документ.

Под общую стратегическую задачу подвешивается и соответствующая подробная программа действий. Во-первых, американцы берут курс на поддержку развития международных норм ответственного поведения с целью поддержания *защищенного, стабильного и безопасного* космического пространства. Имеется в виду выработка приемлемого для Вашингтона *свода правил* или *кодекса поведения* в космическом пространстве. Возможно, поэтому Вашингтон в январе 2012 г. присоединился к активной поддержке Кодекса поведения в космосе (КПК), продвигаемого Европейским Союзом с 2007 г. в ответ на российскую резолюцию ГА ООН по МТДК 61/75. В результате этого *присоединения* в проекте документа появились положения, явно диссонирующие с его заявленным политико-декларативным характером. Имеется в виду, прежде всего, статья 4.2 Кодекса, в которой, по сути, легитимизируются силовые действия одних государств в отношении космических объектов других государств под предлогом *угрозы жизни людей* или *увеличения космического мусора*. Таким образом, документ рекомендательного характера содержит положения, допускающие односторонние несогласованные действия одних государств в отношении космической собственности других под предлогом самообороны.

Во-вторых, американцы намерены активно продвигать планы по созданию коалиций для обеспечения коллективной безопасности, а также поддержания возможностей для *асимметричного* ответа на нападения в отношении космических средств США и союзников с применением всех элементов национальной мощи. Иными словами, речь может идти о создании в перспективе *космического НАТО*, в рамках которого нападение на одного из участников альянса будет считаться нападением на всех его членов.

И, наконец, в-третьих, в директиве прописана необходимость уменьшения деструктивного воздействия подобных атак за счет повышения *устойчивости, живучести* спутниковых группировок и в целом космических систем даже в случае частичного выведения их из строя.

К слову, в развитие этих установок в конце августа 2013 г. Минобороны США представило программный документ, касающийся выживаемости космических средств военного назначения. В подготовленной ВВС *Белой книге*⁷ намечены принципы построения новой спутниковой архитектуры и обосновываются ее преимущества. В Пентагоне, видимо, исходят из того, что на сегодняшний день существует реальная угроза их космическим аппаратам. Это касается как космического мусора, так и противоспутниковых средств.

В документе речь идет о так называемой *стратегии разукрупнения* (disaggregation), призванной сделать пентагоновскую орбитальную группировку более устойчивой к внешнему воздействию. Под этим понимается рассредоточение задач, функций или оборудования между многими системами, находящимися на одной или нескольких орбитах, платформах, аппаратах или в различных средах. Констатируется необходимость качественных перемен для сохранения оперативного преимущества в космосе. Отмечается, что при существующей конфигурации космические силы морально устаревают, поскольку создавались под задачи холодной войны и выполняли прежде всего функции связи, навигации и предупреждения на случай ядерной войны. Резюмируется, что в нынешнем виде космическая группировка весьма уязвима, так как она неповоротлива и слишком зависима от потери даже одного спутника. Предлагается выйти на более гибкую и дешевую группировку космических аппаратов, способную обеспечить нужды военных несмотря на действия неприятеля, воздействие окружающей среды или системные сбои.

Интересен набор практических мер, которые могли бы обеспечить выполнение поставленных задач. Это физическое разделение различных элементов одной космической системы между несколькими КА, способными взаимодействовать друг с другом. Возможно и функциональное распределение, то есть выполнение одной задачи несколькими скоординированными КА. Кроме того, взят курс на размещение американской военной аппаратуры на коммерческих спутниках и КА союзников. Наконец, планируется *разбросать* космические средства по нескольким орбитам, а их задачи дублировать и в других средах, в частности в киберпространстве и на Земле. В Пентагоне, видимо, надеются добиться сразу нескольких целей — упростить космические боевые системы, облегчить их обслуживание, снизить стоимость, усилить инновационный потенциал за счет сопряжения потенциалов гражданского и военного секторов.

На наш взгляд, при этом решается ряд стратегических задач. В их числе следует, прежде всего, отметить сдерживание противника от нападения, так как за счет рассредоточения функций и оборудования между множеством КА должна возникнуть неопределенность в выборе целей. Кроме того, в Пентагоне рассчитывают снизить ущерб для функционирования всей интегральной системы в случае выведения из строя одного или даже нескольких аппаратов.

Таким образом, есть основание говорить о перспективах создания в США *сетевых ударных систем* применительно к военному космическому потенциалу.

Создание внешне разбросанных элементов единой интегрированной системы, которые могут функционировать одновременно в трех плоскостях или пространствах — наземном, космическом и кибернетическом — повышает уровень ее оперативной управляемости в режиме реального времени.

К недавним практическим шагам в этой области следует отнести курс, взятый Пентагоном на создание в течение ближайшего времени Единого центра по обработке данных с военных и разведывательных спутников, который будет выступать фактическим дублером Центра космических операций (ЦКО) Минобороны США. Тем самым создаются предпосылки для качественного улучшения координации действий Пентагона и американского разведывательного сообщества. Кроме того, в рамках стратегии *разукрупнения* предусматривается передача полномочий пен-

тагоновского ЦКО коммерческим предприятиям и гражданским структурам, а также готовится целевая комплексная программа защиты и передачи данных между КА.

Как представляется, все эти приготовления вполне укладываются в русло того, что на прошедшем в этом году в США симпозиуме по проблематике геопрозрачной разведки (geospatial intelligence) американский замминистра обороны Р. Уорк весьма образно охарактеризовал как *важность космической архитектуры для проекции американской мощи и парирования вызовов от растущих российского и китайского космических потенциалов*.

Таким образом, в практическом плане реализуется те принципы, которые были заложены еще в 2001 г. комиссией под руководством Д. Рамсфельда, которая в числе своих рекомендаций американской администрации предлагала *вариант размещения оружия в космосе*⁸.

На наш взгляд, это ведет не только к повышению устойчивости военной космической группировки, включая ее перспективные ударные элементы, но — и это представляется главным для целей нашего краткого исследования — создает *предпосылки к повышению потенциала практической применимости боевых космических средств*.

В политическом плане это, на наш взгляд, и представляет собой основной побудительный мотив активного нежелания США и наиболее близких их союзников открыть дорогу практической многосторонней работе по выработке ДПРОК. 🗞️

Примечания

- 1 Проект — Договор о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций [официальный сайт]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=CD/1985>.
- 2 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/69/31 *Предотвращение гонки космических вооружений в космическом пространстве* [электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций [официальный сайт]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/69/31>.
- 3 Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml.
- 4 Устав ООН [электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций [официальный сайт]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter>.
- 5 2011 National Security Space Strategy (NSSS) [электронный ресурс] // Defense Technical Information Center [официальный сайт]. URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a536546.pdf>.
- 6 Directive of the United States Department of Defense on Space Policy № 3100.10, October 18, 2012 (Space Directive) [электронный ресурс] // Defense Technical Information Center [официальный сайт]. URL: <http://www.dtic.mil/whs/directives/corres/pdf/310010p.pdf>.
- 7 Resiliency and Disaggregated Space Architectures, White Paper [электронный ресурс] // Air Force Space Command [официальный сайт]. URL: <http://www.afspc.af.mil/shared/media/document/AFD-130821-034.pdf>.
- 8 CRS Report for Congress “Military Space Activities: Highlights of the Rumsfeld Commission Report and Key Organization and Management Issues”, February 21, 2001 [электронный ресурс] // URL: <http://www.assets.opencrs.com/rpts/RS2082420010221.pdf>.